

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: Два века в двадцати словах	4
Даниил Скоринкин. Знатный	13
Елена Тимохина. Кануть.....	38
Анастасия Опачанова, Нина Добрушина. Классный	52
Анастасия Опачанова, Нина Добрушина. Мама.....	72
Даниил Скоринкин. Машина.....	93
Варвара Печурина, Нина Добрушина. Молодец	130
Ангелина Хазан. Пакет.....	151
Ангелина Хазан. Передовой	173
Анастасия Опачанова, Нина Добрушина. Пионер.....	192
Даниил Скоринкин. Пожалуй.....	211
Александра Шешенина. Пока.....	232
Нина Добрушина, Маргарита Данова. Привет	251
Ангелина Хазан. Пружина.....	271
Даниил Скоринкин. Публика.....	294
Варвара Печурина, Нина Добрушина. Свалка	317
Даниил Скоринкин. Сволочь.....	339
Ангелина Хазан. Стиль	359
Варвара Печурина, Нина Добрушина. Тётка	382
Елена Тимохина, Нина Добрушина. Тройка	407
Елена Тимохина, Нина Добрушина. Червяк	430
Литература.....	449
Сведения об авторах.....	452

ВВЕДЕНИЕ: ДВА ВЕКА В ДВАДЦАТИ СЛОВАХ

Эта книга — попытка рассказать о том, как живут слова, меняясь вместе со страной, эпохой, людьми. Все знают, что язык отражает жизнь; некоторые утверждают, что язык влияет на жизнь. А лингвисты подозревают, что иногда язык и вовсе живет собственной жизнью. Во всяком случае, далеко не все, что в нем происходит, мы можем объяснить историческими процессами, а многое объяснить не можем никак.

Иногда поэтому мы будем пытаться предположить, почему изменилось значение слова, а иногда будем просто сообщать об этом и даже спрашивать читателя. Может быть, он знает лучше нас?

Если попросить школьника привести пример слова, которое изменило свой смысл, наиболее усердный вспомнит прилагательное *красный*; обозначающее сегодня цвет, оно когда-то значило 'красивый'. Откуда мы можем об этом знать? Разумеется, источник только один — тексты. Книги, рукописи, грамоты. Мемуары, дневники, письма, записки. Эсэмэски, имейлы, чаты, блоги... Если повезет — словари. Все это — свидетельства сложной жизни языка, а тем самым и человеческого сознания. Для того чтобы поймать утраченный смысл, нужно идти в библиотеки, искать слово в рукописях и фолиантах, выписывать на карточки примеры, сравнивать контексты. Так работал замечательный русский ученый В.В. Виноградов: ему принадлежит много статей и заметок об истории значения слов; см., например [Виноградов, 1994]. Но сегодняшний лингвист обладает новыми инструментами. Бумажные библиотеки превращаются в электронные, доступные с любого компьютера. А если хорошая электронная библиотека снабжена продвинутой системой поиска, то лингвист получает в свое распоряжение количество примеров, в сотни и тысячи раз превышающее то, которое было доступно нам еще 20 лет назад.

Осознав, как много выиграют составители словарей и исследователи, если в их распоряжении окажется хорошо организованный массив текстов в электронном формате, лингвисты придумали новый тип библиотек, приспособленный специально для их нужд. Он называется *корпусом*.

Корпусов русского языка сегодня несколько. Наша работа основана на Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Он доступен для всех желающих на сайте <www.ruscorpora.ru> и со-

держит тексты с начала XVIII века до наших дней, довольно разнообразны по жанру. Объем НКРЯ сравним с очень большой библиотекой: в основной части Корпуса сейчас более 200 млн словоформ, а есть еще поэтический, устный, газетный и другие подкорпусы.

Из НКРЯ мы брали примеры, по нему считали частотность слов и значений. Мы ограничились лишь двумя веками — XIX и XX, но более внимательно смотрели на тексты XIX века. Обычно выбирали слово, исходя из того, насколько интересна его история в XIX веке, однако не стоит думать, что все важные события в значении слов русского языка происходили именно в этот период: просто мы так подбирали свой материал.

Некоторые статьи (на самом деле, многие) включают материалы XVIII века. Правда, за их достоверность мы готовы ручаться в меньшей степени, потому что оцифрованных текстов XVIII века пока маловато для того, чтобы делать серьезные выводы.

Для чего нужна наша работа?

Во-первых, это просто интересно. Тем, кто любит язык и слова, часто хочется узнать, что с ними было раньше. Причем разные слова любопытны с разных точек зрения. Некоторые, как слово *машина*, удовлетворяют интерес к истории культуры и быта: машина в разные времена была поездом, автомобилем и самолетом, являлась то символом мудрой организованности государства, то ужасного бездушного государственного механизма, подавляющего все живое. Другие слова, как глагол *кануть*, имеют прежде всего лингвистический интерес. Они дают возможность отследить сложный процесс трансформации значения — как развивается метафора, как идиоматическое сочетание передает свой смысл исходному глаголу, полностью модифицируя его значение. Интересно и то, какой разной может быть семантическая судьба слова: значения некоторых, как прилагательного *противный*, сократились до одного, практически вытеснившего все остальные; значения других, как существительного *стиль*, размывались до широчайшего круга контекстов.

Во-вторых, иметь представление о том, как употреблялось слово в тот или иной период, важно для понимания художественной литературы того времени. Такими исследованиями занимался, например, замечательный филолог Александр Борисович Пеньковский (1927–2010), который анализировал тексты русской литературы, внимательно приглядываясь к значению слов [Пеньковский, 2003]. И он обнаружил, что, скажем, важное для первой половины

XIX века слово *скука* — вспомните «скупающих» героев Пушкина и Лермонтова — означало не совсем то же самое, что сегодня. Скука в это время больше похожа на сегодняшнюю *тоску*. Скупают не от того, что нечего делать и надоело смотреть телевизор, а от того, что грустно, что сердце гложет необъяснимая тревога. Если мы понимаем это, то многое меняется в интерпретации текста.

Те, кто прочитают статью из этой книги про *тройку*, узнают, что в первой трети XIX века это слово могло означать либо упряжку лошадей, либо карту, но никак не людей: до того времени, когда допустимо стало называть группу из трех человек тройкой (*тройка лидеров, тройка девчонок*), должны пройти еще как минимум лет 40–50. Так что знаменитая пушкинская эпиграмма про злую тройку (*Угрюмых тройка есть певцов: // Шихматов, Шаховской, Шишков...*) могла вызывать у современников поэта только одну ассоциацию — с тройкой лошадей.

В-третьих, хорошее знание того, когда именно и какие значения приобрели слова, помогает уточнить время создания текста. Работая над этой книгой, мы поняли, насколько точно иногда получается «поймать» возраст того или иного значения, и применяли это знание. Таким способом мы, между прочим, подметили и устранили много досадных ошибок, которые до этого были в Корпусе. Например, в тексте 1836 г., принадлежащем русскому философу П.Я. Чаадаеву, мы обнаружили метафорическое выражение *свалка истории* и удивились, потому что к этому моменту уже знали, что *свалка* до самого конца XIX века означала только драку, но никак не помойку. Разгадка проста: Чаадаев написал свой знаменитый текст по-французски, и в Корпус попал его перевод, который был сделан значительно позже, когда *свалка* уже приобрела современные смыслы.

Таким же образом была найдена опечатка в тексте Аксакова, которая гуляет по многим электронным изданиям «Записок ружейного охотника»:

*...Коростель кричит, как бешеный, с неистовством, с надсадой, вытягивая шею, подаваясь вперед всем телом при каждом вскрикиваньи, как будто наскакивая на что-то, и беспрестанно повертываясь на одном месте в разные стороны, отчего и происходит разность в **стиле** [Здесь и далее выделено нами. — Н. Д.] и близости крика. [С.Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)]¹*

¹ Отметим, что здесь и далее даются даты создания произведения или, если точная дата создания неизвестна, первого и прижизненного издания.

Стиль крика — какая удивительная новация для 1850-х годов, когда слово *стиль* используется только по отношению к календарю (*по старому стилю*), к литературе и архитектуре! В XX веке это слово может быть применено едва ли ни к чему угодно: в «Лолите» В.В. Набокова, например, комнаты обставлены в *плюшево-тарелочном стиле*. Объяснение простое до обидного: у Аксакова не в *стиле крика*, а в *силе крика*².

Занимаясь этим проектом, мы убедились лишний раз, что в языке нет хаоса. Иногда, когда предлагаешь студенту подумать о том, почему в разных случаях употребляются немножко иные формы слова или его синонимы, он отвечает примерно так: просто каждый говорит, как хочет; кому что больше нравится, то и выбирает... Это не совсем так. И часто даже совсем не так: наша речь определена эпохой. Писатель, живший много раньше, не мог употребить слово в значении, которое известно нам сегодняшним, но еще не существовало в его время и не бытовало в среде его современников. Как показал А.А. Зализняк в работе о «Слове о полку Игореве», язык очень трудно (чтобы не сказать невозможно) подделать [Зализняк, 2007]. В своей работе мы с огромным сомнением относились к случаям, когда обнаруживали, что некоторое значение слова широко распространилось, допустим, в 1960-е годы, но есть один пример, который относится к 1930-м. Это очень подозрительно! Скорее всего какая-нибудь ошибка, как те, которые описаны выше. Но все-таки такие случаи у нас есть, мы указали на них в статьях. Например, слово *классный* означает сегодня 'отличный' (*классная игра!*). Это позднее значение, оно начало встречаться в литературе с 1960-х годов. Но у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях» (1927) Ляпис, рассказывая о том, какой замечательный сюжет он придумал, говорит: «Мировой сюжет! <...> Сюжет классный!» Он даже повторяет этот *классный сюжет*, чтобы мы не усомнились в том, что ему уже знакомо это значение... И больше ни одного такого примера — до самого конца 1950-х! Так не должно быть. Но приходится смириться.

Дело в том, что, как ни велик сейчас НКРЯ, его все равно недостаточно. Никакой корпус не может охватить все тексты языка, и даже приблизиться к этому. Уже потому, например, что Корпус

² См. правильный вариант: Аксаков С.Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1956. С. 364.

не включает и не может включать старые аудиозаписи устной разговорной речи (напомним, что, например, звуковое кино распространилось лишь с 1930-х годов). А слово *классный* наверняка жило полной жизнью в устной речи задолго до того, как пришло в литературу. Значит, всегда нужно иметь в виду, что никакие наблюдения не могут быть абсолютной истиной. Всегда остается возможность того, что рано или поздно обнаружится текст, который опровергнет наши утверждения и покажет, что то или иное значение существовало в языке и раньше.

Иногда для проверки своих наблюдений мы заглядывали в другие электронные библиотеки. Например, мы очень удивились, когда обнаружили, что ни Пушкин, ни Лермонтов, ни другие современные им писатели не употребляли слово *стиль* применительно к литературе, к языку. А ведь в XVIII веке такое значение у этого слова было! Естественно было предположить, что НКРЯ оказался недостаточно велик и в него просто не попали те тексты, где есть нужные примеры. Тогда мы заглянули в полные электронные собрания текстов Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и нашли там слово *стиль* лишь применительно к календарю. Получается, что его литературное значение было, вероятно, на несколько десятилетий забыто.

Чем более частотно слово, тем точнее наши оценки. Например, мы не нашли слово *наушник* в текстах, относящихся к более раннему периоду, чем 1780-е годы. Однако это еще ничего не значит. Слово редкое, одно из его значений (*наушник* как элемент головного убора) — бытовое, а художественная литература XVIII века мало интересовалась бытом. А вот то, что мы не нашли в XVIII веке употреблений слова *пока* в качестве наречия (*Я пока подожду здесь*), гораздо более серьезное наблюдение, потому что это слово очень частотное. Теперь можно достаточно уверенно предположить, что наречные употребления развились из союзных, а это важно, потому что обычно бывает наоборот.

Значит, корпус должен быть как можно больше. Увеличение объема текстов повышает надежность исследования. И все-таки мы должны учиться работать с историей смыслов уже сейчас, тем более что кое-что получается совсем неплохо; см., например, сб.: [Живов, 2009; Живов, Кагарлицкий, 2012].

Таким образом, наша работа — это гипотеза. Или много гипотез. Они будут подтверждены или опровергнуты, но важно уже

то, что попытка «предсказать прошлое» может быть верифицирована, проверена. Ведь так и работает наука.

Расскажем теперь немного о том, как мы построили свое изложение. Мы хотели, чтобы эту книгу могли читать люди разных возрастов и профессий. Каждая статья посвящена одному слову и построена по одному плану. Мы начинаем ее со схемы, которая показывает, когда возникали новые значения слова, о котором идет речь. Посмотрев на схему, можно уже многое понять и не читать дальше, если неинтересно. Тут нужно отметить один факт: можно, с некоторой осторожностью, зафиксировать десятилетие, когда у того или иного слова появилось новое значение. Но практически никогда не удастся назвать момент, когда некоторое значение перестало существовать: оно может стать редким, совсем неупотребительным, но невозможно гарантировать того, что какой-то поэт не вспомнит редкую архаичную идиому или писатель не использует это забытое слово в исторической прозе! Почти в каждой статье нашего сборника есть примеры значений, которые за два века были утрачены, и почти никогда не удастся сказать, что они ушли окончательно; память языка каким-то образом их сохраняет. Редкий пример такой утраты значения — слово *кануть*: с 1910 г. в Корпусе нет ни одного примера использования этого слова в значении ‘ка́пнуть’, то есть как раз того, которое было основным в начале XIX века. Но, конечно, это не значит, что при расширении Корпуса такой пример не может обнаружиться.

Если интересно, но мало времени, прочитайте первый раздел заинтересовавшей вас статьи. Это короткий, примерно на страницу, очерк слова. Главное вы из него узнаете, а подробности — когда будет время.

Второй раздел статей рассказывает о том, что мы нашли про описываемое слово в словарях. Если известна этимология слова — в этом мы полагались в основном на классический словарь Макса Фасмера [Фасмер, 1986–1987], — мы сообщаем о ней. Если слово есть в словарях XVIII и XIX веков, рассказываем, что там о нем говорилось. Всегда важно узнать, как соотносятся наши находки с тем, как понимали слово предшественники. Бывают разного рода неожиданности: иногда словарь отмечает значение, которое по Корпусу не отслеживается; иногда, наоборот, словари пропускают значения, которые есть в текстах. Например, слово *знатный* в XVIII веке уже использовалось для обозначения аристократа, а словари XVIII и XIX веков

этого значения не отмечают; значение 'битва', весьма распространенное для слова *свалка* в XIX веке, словарями не замечено совсем.

Третий раздел всех статей — список значений и типов контекстов с примерами. Это те значения и контексты, которые оказались важны для нашей работы. Список может быть неполным, толкования не всегда точны: мы давали их только для того, чтобы помочь читателю ориентироваться в тексте статьи.

Четвертый раздел основной. В нем история слова рассмотрена полностью, с примерами и подробностями. Некоторые примеры, приведенные в первом или втором разделах, здесь повторяются; обычно это происходит тогда, когда пример демонстрирует первое появление в Корпусе какого-либо значения. Раздел организован по периодам, которые было удобно выделять для слова. Графики и диаграммы показывают соотношение примеров на разные значения в разные периоды.

Все статьи содержат графики общей частотности слова. Эти графики получены с помощью Корпуса применением функции «Распределение по годам» и показывают изменение частотности слова в *wpm* (англ. *words per million* — число слов на миллион) в основном подкорпусе. На странице <www.ruscorpora.ru/ngram.html> можно получить пояснения к тому, как работает эта функция. Диаграммы частотности значений слов созданы авторами статей.

Важный вопрос: каким образом подсчитывать изменения в частотности слова или значения? Дело в том, что в разные периоды в Корпусе имеется разное количество текстов. Например, подкорпус 1990–1999 гг. содержит 19 102 348 словоформ. А в подкорпусе 1800–1809 гг. их всего 230 788. Значит, для того чтобы узнать, выросла ли частотность некоторого слова или упала, мы должны принять во внимание объем изучаемого подкорпуса. Для этого мы (вслед за другими корпусными лингвистами) пользуемся индексом *wpm*, который показывает, сколько раз рассматриваемое слово встречается на 1 млн слов Корпуса в исследуемый период. Индекс позволяет сравнивать частоту слова в разные периоды. Например, слово *публика* в 1853 г. встретилось в Корпусе 28 раз, в 1953 г. — 35 раз. При этом мы утверждаем, что его частотность сильно упала, потому что общий объем Корпуса 1853 г. — 108 820 словоформ, а 1953 г. — 559 621 словоформа, то есть *wpm* у этого слова в 1853 г. — 257, а в 1953 г. — 63.

Труднее подсчитать изменения частотности отдельных значений слова, потому что для этого нужно вручную просмотреть очень много примеров. Если примеров слишком много (допустим, слово *пока* встречается в подкорпусе XX века почти 49 тыс. раз), то мы применяли технику «срезов»: брали, скажем, 10 лет в начале XX века, 10 лет в середине, 10 лет в конце и просматривали примеры только внутри этих периодов.

Совсем трудная задача — выделение у слова значений. Иногда разница значений очевидна, но часто одно переходит в другое, и некоторые примеры приходится относить к тому или иному значению довольно условно. Так обстоит дело со словом *публика*: это существительное несомненно изменилось за два столетия, но лишь в оттенках смысла, в коннотациях. Иногда, наоборот, разница так велика, что можно предполагать не многозначность, а омонимию: например, связь между двумя значениями слова *свалка* ('помойка' и 'драка') совсем не очевидна.

Последний, пятый, раздел статьи мы условно называли «Соседи». В нем мы говорим о словах, которые чем-то близки исследуемому, и интересно узнать что-то о них в связи с основным словом. Например, показываем однокоренные слова (*пружинный* и *пружинить* для слова *пружина*) или синонимы (*помойка* для слова *свалка*). Мы не описываем их историю подробно. Просто сообщаем некоторые факты, связанные с жизнью основного слова.

В книге очень много примеров. Все это (за редкими особо оговоренными исключениями) — примеры из НКРЯ. Они приводятся в том формате, который принят в Корпусе. В отдельных случаях мы уточняли датировку (если в Корпусе ее не было), сокращали примеры, обозначая места пропусков отточиями, а также во всех примерах выделяли полужирным шрифтом те слова, которые нам интересны. Выходные данные цитируемого источника можно посмотреть в Корпусе. Дата при примере, как уже было отмечено, обозначает обычно дату создания текста.

А теперь мы хотим горячо поблагодарить многих помогавших нам людей. Они нас консультировали (А.А. Зализняк, Н.В. Перцов, А.Г. Кравецкий, Д.В. Сичинава), читали некоторые статьи (В.Ю. Апресян, А.А. Бонч-Осмоловская, Н.В. Перцов, В.В. Плунгян, А.В. Птенцова), помогали выверять графики и диаграммы (Т.В. Крылова), приходили на наши семинары и обсуждали с

нами результаты (О.А. Андреева, Д.Д. Богоявленский, А.А. Бонч-Осмоловская, М.Л. Винцкевич, В.И. Гехтман, Е.А. Гришина, А.Е. Дьячкова, Анна А. Зализняк, Е.Е. Земскова, Ю.В. Кагарлицкий, Н.Н. Казанский, А.Г. Кравецкий, Ю.М. Кувшинская, А.И. Левинзон, А.Ф. Литвина, А.Л. Лифшиц, Л.А. Машкова, И.Л. Микаэлян, Н.В. Перцов, В.В. Писляков, А.Д. Плисецкая, С.К. Пожарицкая, А.В. Полетаев, А.В. Птенцова, Е.В. Рахилина, И.М. Савельева, Д.В. Сичинава, Е.В. Урысон, Ф.Б. Успенский и др.).

Особая благодарность С.К. Пожарицкой, которая вычитала все статьи, М.А. Бобрик-Фремке, прочитавшей книгу и высказавшей ряд ценных замечаний, и замечательному редактору Т.В. Соколовой. Никто из этих людей не несет ответственности за наши ошибки! Еще мы хотим сказать спасибо сотрудникам НИУ ВШЭ за помощь в организации семинаров, особенно — И.С. Лазаревой.

Н.Р. Добрушина

© Добрушина Н.Р., 2016

ЗНАТНЫЙ

Хронология значений слова *знатный*

Значение и пример	Период использования				
<p>‘Знаемый, известный, видимый’</p> <p>_____</p> <p><i>В закрытье видны мысли злыя, В шерсти овечьей знатен волк.</i> [М.В. Ломоносов. Первые трофеи его величества Иоанна III... (1741)]</p>	XVIII в.				
<p>‘Принадлежащий к знати, высокий по чину’</p> <p>_____</p> <p><i>Во время всех потех знатные персоны были одеты в немецкое платье.</i> [Б.И. Куракин. Гистория о царе Петре Алек- сеевиче и ближних к нему людях (1709)]</p>					
<p>‘Существенный, серьезный’ (усилитель)</p> <p>_____</p> <p><i>Третья дивизия была в арьергарде, где и я был, неприятель атаковал арьергард кон- ницей и пехотой, и была знатная акция.</i> [М.Н. Волконский. Журнал жизни и служ- бы князя Михаила Никитича Волконско- го (1752)]</p>					
<p>‘Хороший’</p> <p>_____</p> <p><i>Знатные пистолеты! Уж здешние люди ими любовались, любовались!..</i> [М.Н. За- госкин. Вечер на Хопре (1834)]</p>	1830-е гг.				
<p>‘Выдающийся в труде’</p> <p>_____</p> <p><i>Была Лилька и Лилька, даже фамилии никто не знал, а теперь — пожалуй- ста, знатная бетонощица Савелова!..</i> [В.К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]</p>	1930- е гг.				

1. История вкратце

Слово *знатный* обычно напоминает нам об аристократии, сословных привилегиях, кодексах чести. И чаще всего оно действительно употребляется в сочетании с титулами и старинными фамилиями. Но не только благородными смыслами нагружено это слово: в XVIII веке встречались *знатные волки*, в XIX — *знатная сволочь* и *знатная свалка*, в XX — *знатный коноплевод*, а в XXI дошло и до *знатной шлюхи* (см. рис. 1).

До конца XVIII века слово сохраняет прямую связь с глаголом *знать*; прилагательное *знатный* соответствует современному *понятный*. Именно поэтому у Ломоносова «в шерсти овечьей *знатен* волк», а Татищев говорит о *знатных* (то есть известных географам) *признаках* границы Европы с Азией. Значение скоро исчезает, а в качестве основного закрепляется ‘статусное’ — *знатный род*, *знатная фамилия*, *знатное происхождение*. В то же время слово используется и в гораздо более приземленных ситуациях: торговцы подсчитывают *знатную выручку*, а драчуны устраивают *знатную свалку* (см. также ст. «Свалка» этого сборника). *Знатный* выступает как слово-усилитель, синоним прилагательных *существенный*, *солидный*, *весомый*. Вскоре появляется *знатный* как эквивалент хорошего, и с середины XIX века мы встречаем «аристократическое» слово в самых простонародных контекстах: с его помощью получают одобрение *знатные шти* (то есть *щи*), *знатные пироги* и *знатные девки*. А в XX веке для аристократии и вовсе настали тяжелые времена: *знатные бароны* и *графы* сменились *знатными просоведами*, *доярками* и *забойщиками скота*. С конца 1940-х годов и до брежневских времен «трудовая знать» едва не задавила своей массой все прочие значения слова. Из-за такой «передозировки» к концу XX века прилагательное *знатный* стало все чаще использоваться иронически, и сегодня в текстах легче встретить *знатного лентяя*, чем *знатного труженика*.

Частота употребления слова с XVIII века и до наших дней постоянно снижалась. В 1700–1800 гг. на 1 млн слов пришлось свыше 300 употреблений; в первые 30 лет XIX века — 232, а затем произошел резкий спад. В последний исследованный период (1981–2010) слово встречается в Корпусе менее 7 раз на 1 млн слов (см. рис. 1).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

знатный

Годы от 1800 до 2012 со сглаживанием 5 построить

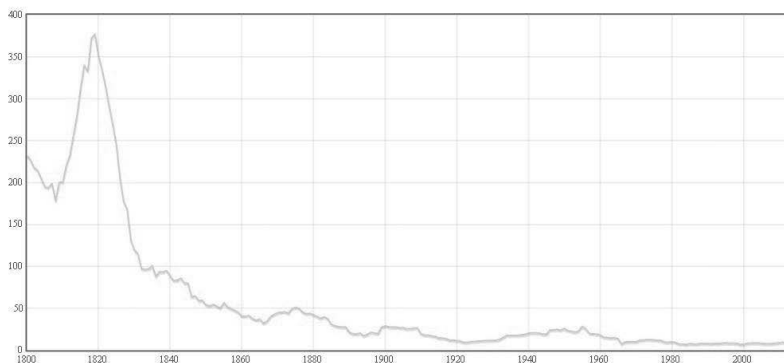

Рис. 1. Частотность употребления прилагательного *знатный*; НКРЯ, 1800–2000 гг. (в *врт*)

2. По данным словарей

Как ни странно, словари почти не упоминают об «аристократическом» смысле слова *знатный* вплоть до советского времени. «Словарь Академии Российской» [1789–1794] дает три определения, каждое из которых весьма расплывчато: ‘отменный, отличный, знаменитый’; ‘великий’ (из приведенного примера видно, что подразумевается ‘большой’); ‘видный, приметный’. Похоже выглядит и статья в «Словаре церковнославянского и русского языка», созданном в середине XIX века, где даны два значения: ‘славный, знаменитый, отличный’ и ‘отменный числом или количеством’. В словаре В.И. Даля к уже упомянутым значениям добавляется ‘добрый, хороший’. И только в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова [1935–1940] появляется ‘принадлежащий к знати’. Тут же возникают и советские *знатные люди* — передовики производства. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, в издании 1964 г., это пропагандистки окрашенное значение уже указано первым.

Созданный в конце XX века многотомный «Словарь русского языка XI–XVII веков» указывает «аристократическое» значение (‘знатный боярин’) третьим из шести. Однако прочие пять тесно связаны с глаголом *знать*: ‘известный, знакомый по опыту’; ‘поль-

зующийся известностью, славой, авторитетом'; 'значительный, крупный'; 'ясный, четкий, хорошо видный'; 'различимый, отличный'. И известность, и значительность, и заметность, на базе которых выросли все существующие и бывшие значения *знатного*, производны от исходного *знания*. Возможно, и «знатный боярин» здесь скорее не 'родовитый', а 'известный'.

Помимо словарей любопытно также короткое упоминание слова В.В. Виноградовым в «Истории слов». Рассуждая об исчезновении слова *винный* в значении 'виноватый' под давлением омонима, происходящего от *вина*-напитка, лингвист мимоходом замечает: «Точно так же *знатный*, как отглагольное прилагательное типа: *занятный*, *понятный* и т.п. (ср. *знатный выкуп* у Пушкина в «Арапе Петра Великого», *знатная торговля* и т.п.) исчезло не без влияния омонима — *знатный*, — соотносительного с именем существительным *знать*. Ср. *знатное общество*, *знатный род* и т.п.» [Виноградов, 1999, с. 204]. Здесь выражена особенная точка зрения: то, что словари определяют как разные значения одного слова, Виноградов считает парой омонимов.

3. Обзор значений и типичных контекстов

- 'Знаемый' — архаичное значение; такой, о котором известно:

И буде не хотя служить, то учинить ему смертную казнь или вместо смертной казни наложить ему на лоб хер или иной какой знак, чтобы он всякому знатен был, что он беглец. [И.Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве (1724)]

- 'Славный, выдающийся, принадлежащий к знати' — статусное значение; относится к происхождению и (или) к достижениям в службе, чинам:

Ведь и знатных людей — не одних дьяков посылают к чужим государям. [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)]

- 'Существенный' — значение-усилитель; заменяет слова *большой*, *солидный*, *сильный*, *изрядный* и т.п.:

Столица утихла до времени; но знатная часть государства уже пылала бунтом. [Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. IV (1808–1820)]

- 'Хороший, добротный' — оценочное значение; выражает одобрение чего-либо (реже — кого-либо):

Ведь этих постоянных дворов здесь много, вот, пожалуй, на Тверской Царьградский трактир — **знатный!** [М.Н. Загоскин. Искуситель (1838)]

• ‘Выдающийся в труде’ — пропагандистское значение; используется в сочетании с названием профессии, чтобы выделить ударника производства:

В бежевой «Волге» — шахтер из Донбасса,
Знатный забойщик высокого класса.

[С.В. Михалков. Смена (1951)]

4. Вся история

4.1. XVIII век

В наши дни связь слова *знатный* со знанием если и не потеряна окончательно, то по меньшей мере неочевидна. Отыскивать ее приходится с помощью словаря. В XVIII столетии, напротив, слово во многих случаях явно привязано к знанию и (или) известности:

Для ведома потомству о основании и вящем от времени до времени распространении сего Града потрудился я собрать следующия известия:

1. Древность сего места и какая **о нем знатная** история... [А.И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]

В следующем примере *знатный* относится к слову *род*, однако это еще совсем не то «аристократическое» значение слова, которое мы видим в сочетании *знатный род* сегодня. Ведь автор указывает, в какой именно среде он *знатен* (то есть известен):

Кипчаков же род между кайсаками и у башикир довольно велик и знатен. [В.Н. Татищев. История Российская. Гл. 19–33 (1739–1750)]

В текстах XVIII века часто указывается, у кого или между кем является *знатным* тот, о ком идет речь. Вот описание опыта знаменитого швейцарского математика Иоганна Бернулли в книге Ломоносова:

Знатный между учеными людьми Иоанн Бернулли обыкновенную лестницу поставил у сосуда АВ [фиг. 27], а другую у горизонтальной трубки CD, в которой находящаяся ртуть до равновесия с воз-

духом и со ртутью в сосуде АВ и в трубке ВС ничего не надлежит. [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)]

4.2. 1800–1830

К концу XVIII века *знатный* «разрывает отношения» с глаголом *знать*. Привычное для Ломоносова и Татищева употребление слова в значении ‘знаемый’ больше не встречается. Однако вышедшее на первый план (см. рис. 2) статусное значение еще находится под влиянием глагола и поэтому не идентично современному ‘принадлежащий к аристократии’. *Знатный* в начале XIX века — это не столько родовитый, сколько выдающийся, успешный или знаменитый (что явно ближе к глаголу *знать*). К примеру, Карамзин называет своего героя *знатным* именно после того, как тот достиг высот в государственной службе:

Леонид, уже знатный человек в государстве, обрадовался ему искренно и представил молодую красавицу, вторую жену свою. [Н.М. Карамзин. Чувствительный и холодный (1803)]

Использование наречия *уже* не оставляет сомнений: речь идет не о врожденном, а именно о приобретенном качестве. При этом контекст вполне допускает замену прилагательного *знатный* на *широко известный*.

Другие примеры подтверждают, что прилагательное *знатный* очень часто указывало именно на высокую государственную должность, которая не обязательно связана с происхождением. В текстах конца XVIII — начала XIX веков регулярно встречаются *знатные чиновники, сановники и вельможи*:

Вицерой сел на переднем конце стола, по правую сторону села вице-ройша, а меня посадил он подле себя по левую сторону, на другом конце против него сидела дочь его, подле нее президент и другой какой-то знатный чиновник... [В.М. Головин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным (1822)]

Знатный чин, если верить Карамзину, мог быть обещан не только родовитому дворянину, но даже бывшему холопу и турецкому рабу Ивану Болотникову:

Еще мятежники упорствовали в намерении овладеть Москвою <...> были отражены, лишились многих людей, и все еще не унывали — по

крайней мере Болотников: он не слушал обещаний Василия забыть его вину и дать ему **знатный чин**, отвечая: «Я клялся Димитрию умереть за него, и сдержу слово: буду в Москве не изменником, а победителем»... [Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. XII (1824–1826)]

О том, что **знатный** еще не стал однозначным указателем высокого происхождения, говорит и его использование в других «не-аристократических» контекстах. К примеру, знатными могут быть представители торгового сословия:

Знатный купец, Онисим Манушин, поехал с грамотою от чиновников, бояр и всех бывших в Новгороде псковитян к их народу. [Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. VII (1813–1820)]

Однако главное подтверждение того, что статусное значение **знатного** в начале XIX века не вполне тождественно современному аристократическому значению, находим в «Словаре Академии Российской» [1789–1794], где в толковании слова **знатный** (см. разд. 2 наст. ст.) нет ни слова о социальном происхождении или сословных границах.

В то же время есть немало текстов, где **знатный** указывает на родовитость, на благородную кровь. В следующем примере речь идет именно о «знатном» происхождении, и никакой личной известности или заслуг автор не подразумевает:

Святополк и Владимир требовали от него, чтобы он хотя выдал им или сам велел умертвить **знатного половецкого юношу, сына Итларева**, бывшего у него в руках... [Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. II (1806–1818)]

О происхождении, по-видимому, идет речь и в тех случаях, когда **знатный** сочетается со словами *род*, *семейство*, *фамилия* и т.п.:

В малом числе **знатных родов**, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. [А.С. Пушкин. Начало новой биографии (1830-е)]

В то же время стоит иметь в виду употребление слова в XVIII веке, когда тот же **знатный род** был скорее известным, значительным.

Параллельно с этим социально нагруженным значением развивается гораздо более утилитарный, хозяйственный смысл слова

знатный, и оно выступает как синоним прилагательных *солидный, большой, серьезный* и т.п. В начале XIX века уже не говорят, как при Петре I, о *знатных* (то есть уважительных, серьезных) *причинах*, но зато получают *знатные* доходы и несут *знатные* издержки, выплачивая *знатные* суммы:

...Обретение той славной композиции для обмазки кораблей, за которую Адмиралтейство Аглинское такую **знатную** сумму заплатило лорду Дундунелду. [Н.А. Львов. Письмо Г.Г. Кушелеву (1800. 22 января)]

Часто **знатный** используется для указания на количество денег или иных ценностей:

Я продолжал лечиться, и когда осушил всю квартиру, то, припоминая все благодеяния Варуховы, мне оказанные, а притом и **знатное** наследство, мне же оставленное, зарыдал горько. [В.Т. Нарезный. Бурсак (1822)]

Однако в иных случаях слово может значить 'большой' в пространственном смысле:

Землетрясения здесь и ныне бывают почти каждую неделю раз и два, но весьма слабы и не причиняют никакого почти вреда; а прежде они производили ужасные опустошения и несколько раз **знатную** часть Лимы превращали в развалины. [В.М. Головин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным (1822)]

Описанные выше два значения слова **знатный** сформировались задолго до XIX столетия, их примеры есть еще в памятниках допетровской эпохи. В XVII веке можно было указать на «знатный вред», который наносят посевам крысы, упомянуть «знатные победы», и, разумеется, «знатных бояр». А вот назвать «знатным» борщ или пирог было невозможно. Это значение — **знатный** как синоним хорошего, добротного, славного — в текстах появилось только к 1830-м годам. Судя по Корпусу, одним из первых его начал употреблять Загоскин в исторических романах:

Смотреть любо, **знатный** конь! [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году (1829)]

А чай **знатный**, сударь! Цветочный, самый лучший. [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

В этих же произведениях присутствуют *знатный ром*, *знатная земля* и стоящая особняком *знатная осень*, которая несколько разбавляет «потребительские» контексты. Важно, что *знатный* в значении ‘хороший’ неизменно обнаруживается в прямой речи, причем говорящий, как правило, не является носителем высокой культуры:

— ...За двойные, что ль?

— Нет, брат! по двадцати копеек на версту да целковой на водку!

— **Знатная работа!** Да что они так торопятся?

[М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

То же и у других авторов: *знатный* как ‘хороший’ появляется при передаче устной речи на письме.

Знатная квартира, ваше благородие, — сказал он мне, снимая фуражку, — конюшня чище горницы, речка у ворот для водопоя, и соломы в пояс. [А.А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)]

Частое употребление слова в этом значении в разговорных контекстах позволяет предположить, что в устной речи такое значение существовало и раньше. А в XIX веке, когда литература стала отражать речь разных слоев общества, оно просто впервые появилось в письменных текстах.

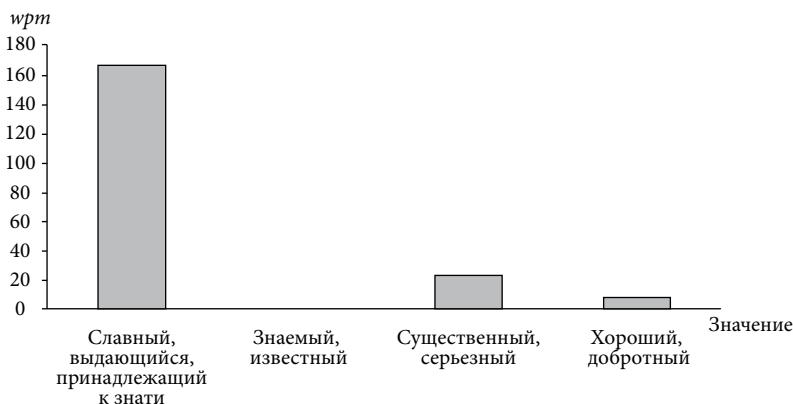

Рис. 2. Значения слова *знатный* в 1800–1830 гг. (в *wpm*)

4.3. 1831–1860

В середине XIX века *знатные фамилии* берут верх над *знатными чиновниками и чинами*: статусное значение слова сдвигается от показателя карьерных успехов к происхождению. Теперь *знатный* полностью соответствует словарному определению «принадлежащий к аристократии, знати», как оно зафиксировано «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [2003]. В пьесе Тургенева доктор, делая предложение компаньонке, сообщает ей:

*Я, конечно, про себя должен сказать, что я человек рода не высокого: ну да ведь и вы не **знатного** происхождения.* [И.С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]

Иногда приведенные признаки знатности явно указывают на то, что автор иронизирует. Вот как у Пушкина описывает своего предводителя один из пугачевских казаков:

*Ну, ваше благородие, по всему видно, что **персона знатная**: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву, да насили холодной водой откачался.* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]

При этом *знатный* — далеко не всегда уважаемый или почтенный:

*Мы живем в необычайной трескотне, имея одного императора, двух императриц, несколько пар герцогов и целые дюжины герцогинь, графинь и всякой **знатной сволочи**.* [П.В. Анненков. Письмо к И.С. Тургеневу (1874. 4 октября)]

Употребление слова в связи с чинами встречается редко, а многие примеры относятся к мемуарным текстам, в которых, как правило, и «доживают» свой век устареваящие значения:

*Он занимал прежде в Петербурге какой-то **знатный пост** и содействовал присоединению Униатов к православию.* [Е.А. Драшусова. Воспоминания (1848)]

В то же время весьма часто *знатный* идет в паре с *богатым*, и можно даже быть *знатным по богатству*:

*Есть министры, члены Государственного Совета, генерал-адъютанты, статс-секретари, придворные чины, — не говоря уже о сенаторах, которых нигде никогда не увидишь, которые решительно никуда не приглашаются; есть люди **знатные по роду и богатству**...* [М.А. Корф. Из дневника (1838–1839)]

Иначе это можно прочесть как «известный своим происхождением и богатством» — и в этом случае слышатся отголоски ушедшего значения ‘знаемый’.

Знатный как слово-усилитель продолжает использоваться в торговле (*знатные суммы, доходы, выручка*), а также прочих контекстах, где речь идет о материальных ценностях:

*В те ж времена из казаков яицкого войска некто, по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву, упоая быть там великому богатству и получить себе **знатную добычу**.* [А.С. Пушкин. История Пугачева (1833)]

То же и с недавно появившимся значением ‘хороший’: оно активно используется (см. рис. 3), когда нужно оценить товар или иное материальное благо. Особенно часто встречаются *знатные кони*:

Конёк, братец, знатный; ему невступно четыре года. [И.И. Панаев. Раздел имения (1850–1860)]

— ...Хороши ли лошади?

— **Знатные есть кони!** Я купил у него верховую.

[Д.В. Григорович. Пахатник и бархатник (1860)]

Несмотря на склонность к «товарным» контекстам, встречается использование слова по отношению к людям. Следующий пример, с одной стороны, демонстрирует сомнительное социальное положение актрисы, а с другой — переключается с употреблением слова **знатный** в сочетании с профессией, о которой речь пойдет в следующих разделах:

— ...Сегодня играет Воробьева, а ты знаешь, я ей протезирую. Пожалуй, без меня никто не хлопнет, когда она выйдет на сцену.

— Да, **знатная актриса!** — сказал Возницын, вставая.

[М.Н. Загоскин. Искуситель (1838)]

Практически во всех примерах это значение остается неизменным атрибутом прямой речи, чаще всего простонародной:

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.